

Все более черный юмор

Славой ЖИЖЕК

Когда герой фильма Джона Карпентера «Они живут» — одного из забытых шедевров голливудских левых — надевает странные темные очки, на которые он наткнулся в брошенной церкви, то замечает, что красочный рекламный щит, приглашающий устроить себе праздник на гавайских пляжах, не содержит ничего, кроме серых слов на белом фоне: «ЖЕНИСЬ И РАЗМНОЖАЙСЯ»; реклама нового цветного телевизора гласит: «НЕ ДУМАЙ, ПОТРЕБЛЯЙ!»... Короче говоря, очки действуют как устройство для критического осмысления идеологии: они позволяют увидеть реальное сообщение, скрытое под красочной поверхностью. А что бы мы увидели, если бы смотрели сквозь такие очки на кампанию республиканцев по выборам президента?

Первое, что бросилось бы нам в глаза, был бы длинный ряд противоречий и нестыковок, который заметили многие комментаторы. Призыв перешагнуть линии, разделяющие партии, — и жестокая культурная война «нас» против «них». Запрет использовать в кампании информацию о семейной жизни кандидатов — и семья кандидата парадом проходит по сцене. Обещание перемен — и все та же старая программа (снижение налогов и уменьшение государственного участия, усиление военной и внешней политики). Обещание уменьшить государственные расходы — и высокая похвала президентству Рейгана*.

Они обвиняют конкурирующую партию в том, что сущности вещей она предпочитает стиль, но сами сидят при этом в декорациях отлично срежиссированных медиа-событий.

Потом бы мы увидели, что эти и другие нестыковки — не слабость, а главный ресурс силы послания республиканцев. Республиканская стратегия мастерски эксплуа-

тирует изыяны либерально-демократической политики: покровительственную заботу о бедных с подспудным, тонко замаскированным безразличием или даже презрением к «синим воротничкам»; политкорректный феминизм с подспудным недоверием к женщинам, находящимся у власти. Сара Пэйлин отличилась по обоим этим пунктам: продемонстрировала и своего мужа, представителя рабочего класса, и свою женственность.

Прошлые поколения женщин-политиков (Голда Меир, Индира Ганди, Маргарет Тэтчер, до какой-то степени даже Хиллари Клинтон) были тем, что обычно называют «фаллическими» женщинами: они действовали как «железные леди», имитируя и пытаясь превзойти мужской авторитет, быть «в большей степени мужчинами, чем сами мужчины».

Недавно в одном комментарии в газете *Le Point* Жак-Ален Миллер обратил внимание на то, как Сара Пэйлин, напротив, гордо демонстрирует свою женственность и материнство. Она оказывает «кастрирующее» воздействие на своих оппонентов-мужчин не тем, что обладает большей маскулинностью, чем они, а тем, что использует абсолютно женское оружие, саркастически нивелируя раздутый мужской авторитет, — она знает, что мужская «фаллическая» власть — это поза, видимость, которую можно эксплуатировать и высмеивать. Вспомните, как она высмеивала Барака Обаму как «организатора общества», используя тот факт,

* Помните, как Рейган ответил тем, кто волновался об огромном долге? «Он достаточно большой, чтобы самому о себе позаботиться»...

что в его внешности есть нечто «стерильное» — его разбавленная чернота, тонкие черты лица, большие уши...

Ей свойственна «постфеминистская» «женственность без комплексов», объединяющая черты матери, строгой учительницы (очки, волосы, собранные в пучок), публичную персону и, имплицитно, сексуальный объект, гордо выставяющий «первого парня» фаллической игрушкой. Суть в том, что у нее нет недостатка ни в чем — и, еще одно оскорбление, — именно женщина-республиканка воплотила эту левую либеральную мечту. Такое впечатление, что она просто ЯВЛЯЕТСЯ тем, чем левые либеральные феминистки ХОТЯТ быть... Неудивительно, что эффект Пэйлин — эффект ложного освобождения: бури, детка, бури! Мы можем объединить невозможное: феминизм и семейные ценности, большие корпорации и синие воротнички!

Так вот, возвращаясь к фильму «Они живут». Чтобы понять истинное послание республиканцев, нужно принять во внимание, что говорят и чего не говорят, но подразумевают. Где видимое сообщение — упрощенная мантра популистского разочарования провалами и коррупцией Вашингтона, там очки показали бы что-то, направленное на преодоление отказа публики понять: «Мы позволяем тебе НЕ понимать — поэтому веселись, негодуй, мы обо всем позаботимся таким способом, о котором тебе лучше не знать (вспомните намеки Дика Чейни на темную сторону власти). У нас достаточно закулисных экспертов, которые могут все уладить»... Поэтому вопрос звучит так: кто у Джона Маккейна Карл Роув?

А там, где видимое послание — обещание перемен, очки показали бы что-то вроде: «Не переживай, настоящих-то перемен не будет, мы просто хотим поменять несколько незначительных вещей, чтобы гарантировать, что на самом деле ничего не изменится»...

Риторика перемен, обещания сотрясти застоявшееся вашингтонское болото, всегда были специализацией республиканцев; вспомните популистский антивашигтонский всплеск Ньюта Гингрича: «Я безумен!» — лет двад-

цать назад! Тут не следует быть наивным: республиканские избиратели ЗНАЮТ, что не будет никаких реальных перемен, они знают, что все то же самое будет продолжаться с некоторыми стилистическими изменениями, — это часть сделки.

Четыре года назад Джон Керри проиграл, потому что был Джорджем Бушем с человеческим лицом. Сегодня Маккейн — это намазанный риторической помадой «Не надо брехни!» Буш. Когда Гарри Франкфурга, автора бестселлера «К вопросу о брехне», спросили, речи кого из американских политиков выбиваются из доминирующей брехни, он назвал Джона Маккейна — и тем самым совершил трагикомичную ошибку: прямые, открытые речи, демонстрирующие лишенную всякой брехни честность, могут оказаться наихудшей формой брехни, обычной популистской позой.

Но что если скрытое между строк послание республиканцев («не бойтесь, настоящих перемен не будет») — это достоверная иллюзия, а не секретная правда? Что если на самом деле перемены БУДУТ? Или, перефразируя братьев Маркс: Маккейн и Пэйлин выглядят так, будто хотят перемен, и говорят так, будто хотят перемен; а что если это не должно ввести нас в заблуждение, что если они действительно хотят совершить эти перемены? Возможно, именно здесь настоящая опасность, поскольку это будет переменной направления.

К счастью, скрытым электоральным благословением стала правильная, отрезвляющая вещь, напомнившая нам, где мы живем: в реальности глобального капитализма. Государство уже планирует чрезвычайные меры, собирается потратить сотни миллиардов — вплоть до триллиона — долларов на ликвидацию последствий финансового кризиса, вызванного спекуляциями свободного рынка. Урок ясен: рынок и государство не противостоят друг другу, вмешательство сильного государства необходимо для поддержания рынка.

Преобладающая у республиканцев реакция на финансовый кризис — отчаянная попытка представить его

незначительной неудачей, которую можно легко исправить с помощью необходимой дозы старого республиканского лекарства (надлежащее уважение к механизмам рынка и т. д.). Короче говоря, они пишут между строк: мы разрешаем вам мечтать дальше. Но вся политическая поза насчет понижения государственных расходов потеряла смысл после этого внезапного прикосновения реальности: теперь даже самые убежденные сторонники снижения значительной роли Вашингтона соглашаются, что есть потребность в государственном вмешательстве, грандиозном в этих невообразимых дозах. Столкнувшись с этим возвышенным великолепием, вся бравада типа «Не надо брехни!» скукоживается до невнятного бормотания; и где же тут решительность Маккейна и сарказм Пэйлин?

Они обвиняют конкурирующую партию в том, что сущности вещей она предпочитает стиль, но сами сидят при этом в декорациях от лично срежиссированных медиасобытий

Но был ли на самом деле финансовый кризис отвлекающим моментом, пробуждением ото сна? Все зависит от того, какое символическое значение ему придать, какую навязать идеологическую интерпретацию или историю, как определить общее восприятие кризиса. Когда нормальный ход вещей болезненно прерывается, появляется пространство для «дискурсивного» идеологического соревнования. Например, в Германии в конце 1920-х Адольф Гитлер победил в конкурсе на лучший рассказ, объясняющий немцам причины кризиса Веймарской республики и

путь преодоления этого кризиса (его сюжет касался еврейского заговора); во Франции в 1940-м рассказ маршала Петена занял первое место в конкурсе на лучшее объяснение причин французского поражения.

Следовательно, выражаясь старомодными марксистскими терминами, главная задача господствующей идеологии в условиях нынешнего кризиса заключается в том, чтобы навязать такую версию, которая возложит вину за кризис не на мировую капиталистическую систему КАК ТАКОВУЮ, а на ее вторичные случайные девиации (слишком слабые правовые регуляторы, коррупция крупных финансовых институтов и т. д.). В противовес этой тенденции нужно настоять на ключевом вопросе: какой «порок» системы КАК ТАКОВОЙ делает возможными подобные кризисы и крахи?

Первое, что нужно принять во внимание, — происхождение кризиса «из лучших побуждений»: после цифрового бума первых лет нового тысячелетия партии направили свои усилия на облегчение инвестиций в недвижимость ради развития экономики и недопущения регрессии. И нынешний кризис стал ценой, которую США заплатили за предотвращение рецессии пять лет назад.

Опасность заключается в том, что доминирующая версия объяснения кризиса будет не пробуждать нас ото сна, а, наоборот, усыплять и дальше. И вот тут стоит начать волноваться — не только за экономические последствия кризиса, но и за то, что нам грозит очевидное искушение возобновить «войну с террором» и американские интервенции ради поддержания экономики.